

КЛАССИКИ

Горловое пение теней,
шелестенье мела по асфальту...
Всё ленивей, всё смешней
голубь с крыши выполняет сальто.

Стёклышки, звучащие значки...
Летоизречение сложных чисел
узнавать и складывать начни
не вникая, в общем-то, в их смысл.

Небо заслонившие банты,
улетевший в это небо шарик, —
ведь об этом не напишешь ты,
волшебство словами не нашаришь?

Напишу. И станет хорошо,
как тогда, когда за детским садом
время оглянулось и пошло
прыгать на одной ноге в квадраты.

* * *

Г.Б.

Накинь же дождь себе на плечи —
он так тебе идёт.
Вовсю идёт, и буквы шепчет —
счастливый идиот.

Дымится в лужах на асфальте
и листья нервно рвёт,
скрипя на водосточном альте —
ревёт, ревёт, ревёт.

Он оступает на крыше
и падает во тьму:

и вскрик его — тебе лишь слышен,
твой возглас — лишь ему.

Накинь его опять на плечи —
он в сумерках дрожит,
и всю тебя слезами лечит,
и только этим жив.

* * *

М. Н.

Пусть это будет хорошо,
и пусть нехорошо —
живи свободой небольшой,
дыши судьбой большой.

В любви порочной костеней,
а в светлой отмокай,
пусть пишут заново о ней
твой пушкин, твой тукай.

Пусть будет небо и земля,
и боль, и страх, и смерть.
Пусть будет только строчка для
того, чтобы успеть.

Себя научишься прощать,
поймёшь откуда грусть:
мы курим тексты натошак
и пьём их наизусть.

* * *

Б.К.

В этом самосожженьи нелепом
прогореть, как тугая дуга,

затянуться обугленным небом,
выпуская потом облака.

Зашипеть уголёчком повинным,
раз уж в пытке-попытке святой —
легче лёгкого лёгкие вынуть
и терпеть не дыша под водой.

Но стараешься бросить навечно,
на двенадцать-тринадцать минут —
сразу тонкую душу овечью
бесконечные клещи сомнут.

Задыхаясь от чистого сердца,
от сомнений, терзающих лоб,
не на лестничной клетке усесться,
а улечься в берёзовый гроб,

уплывая за трубкой фабричной
на звенящих колечках, в пути
пару пачек за стих непривычный
отдавая нещадной груди.

* * *

П.А.

Сон бумажный смят и брошен
в неразбитое окно,
он давно уже раскрошен
на кино и не кино.

Отмотай немного плёнку:
скоро кофе закипит.
По столу ползёт клеёнка,
зайчик солнечный летит.

Перья в бок, строка на лыко,
я ещё не этим шит.
Мышью буквы не накликал,
горе в горле не першит.

Вот и здравствуй, постоянство.
Не вино, так всё равно.
И унылое пространство
рубят шашки домино.

* * *

Ф.П.

Это надо бы вспомнить, что я человек
и конца на пути не миную,

а пока — для чего проживаю свой век,
что кладу я в копилку земную?

Голоса из глубинных предчувствий беря,
для чего отшлифовывал разум?
Для чего по сусекам всего словаря
выскребал я заветную фразу?

Эта ночь, как последняя в мире, тиха,
в ней рождается голое слово...
За хорошую строчку живого стиха
умираю я снова и снова...

* * *

В.У.

Папа, папа, — что ж ты снишься?
Я тебя почти не знал,
помню лишь, как ты синицей
в мёрзлом марте умирал.

Мама, мама, — что ты плачешь?
Ты ведь тоже умерла.
Не ходила больше замуж,
всё сыночка берегла.

Вырос я большой, здоровый,
но не смог тебе помочь —
ты опять врачом на «Скорой»
за звездой уходишь в ночь.

Этим звёздам очень тесно
каждой ночью надо мной.
Мамы с папой дар небесный —
не вмещает сын земной.

* * *

Д.Р.

В новое переселяясь тело —
чувствовать озноб, неправоту.
Позабывать бы. Забываешь смело
то, что будет так неумогу.

Радуешься солнцу, но не знаешь,
что это такое, какова
близится расплата за уменьье
языком нащупывать слова.

Смотришь-смотришь ясными глазами
на рождённый в первом крике мир.
Вот и всё. Мне всё про всё сказали.
Обними и на руки возьми.

* * *

Р.У.

В кашемировом небе на вырост
облака на резинке ношу
и весны неслучайную сырость
по щекам иногда развожу.

Чтобы в детстве, костром обожжённом,
вдруг запахнув ночью росой,
проглянуло бы под капюшоном
удивленье озона грозой.

И на Млечном Пути без ошибки
мама с папой увидеть смогли
голубые, как вечность, прожилки
зарифмованной сыном Земли.

* * *

М.Д.

Звонкая синица,
словно напоследок,
бесконечно снится
в канонаде веток.

Гарь грачей и копать —
на дубовой коже,
а сосулькам хлопать
по плечам прохожих.

Где снимает скальпы
с зимних крыш погода,
солнцу зубы скалю —
мне четыре года.

От того апреля
никуда не деться —
я весной расстрелян
при попытке к детству.